

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.6>

Шамина Наталья Викторовна

ТРАКТОВКИ ОБРАЗА ДОРТЕИ БРУК И ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОМАНЕ ДЖ. ЭЛИОТ "МИДДЛМАРЧ"

В статье рассматривается специфика художественного осмысления женской проблематики в романе "Миддлмарч". Она, в частности, состоит в том, что созданные Джордж Элиот произведения способствуют - прямо или косвенно - переоценке ценностей в пользу частной сферы жизни женщины и изменению роли и функций женщины в социуме. Автор приходит к заключению, что женская тема в своей реализации в романе Элиот обретает, по сравнению с произведениями ее предшественниц, новые черты. Обосновывается мысль о том, что женская проблематика (социальная, духовная) переводится в моральный план и сводится к идее борьбы эгоизма и альтруизма, долга перед обществом, семьей и личного счастья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 40-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.111

Дата поступления рукописи: 11.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.6>

В статье рассматривается специфика художественного осмысления женской проблематики в романе «Миддлмарч». Она, в частности, состоит в том, что созданные Джордж Элиот произведения способствуют – прямо или косвенно – переоценке ценностей в пользу частной сферы жизни женщины и изменению роли и функций женщины в социуме. Автор приходит к заключению, что женская тема в своей реализации в романе Элиот обретает, по сравнению с произведениями ее предшественниц, новые черты. Обосновывается мысль о том, что женская проблематика (социальная, духовная) переводится в моральный план и сводится к идее борьбы эгоизма и альтруизма, долга перед обществом, семьей и личного счастья.

Ключевые слова и фразы: Дж. Элиот; «Миддлмарч»; викторианский роман; женская проблематика; эстетика прерафаэлитов; женское самосознание.

Шамина Наталья Викторовна, к. филол. н., доцент

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
torcar@mail.ru*

ТРАКТОВКИ ОБРАЗА ДОРОТЕИ БРУК И ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОМАНЕ ДЖ. ЭЛИОТ «МИДДЛМАРЧ»

Женская тема, женская проблематика оказывается главенствующей в романе «Миддлмарч» (1871-1872), названном по наименованию провинциального английского городка, в котором разворачивается действие. Показательно, что события его относятся к 1832 г., моменту выхода билля о реформе, давшего значительные преимущества мужчинам среднего класса. Практически лишенные возможности получать образование наравне с мужчинами викторианские женщины сталкивались с непреодолимыми препятствиями на пути реализации своих способностей и жизненных стремлений. Так, Р. Олтик упоминает, что женщины могли поступить в женские колледжи Кембриджа и Оксфорда лишь с 1869 и 1879 гг. соответственно, но тем не менее не имели права получать ученую степень вплоть до 1920-1921 гг. [10, р. 55]. Не имея образования, они были вынуждены заниматься определенной работой, вряд ли являвшейся их призванием, а уж тем более карьерой. Оценка подобного положения вещей мужской частью общества была проста: женский ум не обладает достаточной широтой, необходимой для ведения дел, связанных с коммерцией, или других серьезных профессий, к тому же женщины по своей природной добродетели, не имея деловых качеств, не смогут возвращаться в мире мужчин. Законодательство, предоставлявшее политические и социальные преимущества исключительно мужской части общества, а также отсутствие образования вынуждали женщин вступать в брак, что, по сути дела, было единственной альтернативой, и замужество становилось своего рода «профессией» для большинства представительниц женского пола [5; 6; 11; 20].

С момента выхода в свет романа «Миддлмарч» женские образы, созданные Джордж Элиот, получили неоднозначную оценку критики и читателей [7]. Если учесть историческую и социокультурную обстановку, то представляется вполне естественным тот факт, что большинством читающей публики главная героиня не была воспринята как идеал женщины [17; 18]. Образ Доротеи Брук вызвал не просто неоднозначные оценки – сравнение ее со святой Терезой было вообще воспринято с резким неприятием; ее детские грезы оценивались как атмосфера самообмана и воображения, неспособность реализовать себя и в связи с этим все существование героини рассматривались в качестве «бесцельного стремления к воображаемому совершенству» [Цит. по: 11, р. 25]. Однако наряду с неодобрительными замечаниями имели место и более позитивные отзывы. Так, литературный критик А. Вулсон высоко оценила главную героиню «Миддлмарча», охарактеризовав Доротею как, «возможно, самый лучший, самый благородный женский образ в художественной литературе» [Цит. по: Ibidem, р. 27]. С оценкой образа Доротеи А. Вулсон был солидарен и Дж. В. Кук, который, кроме того, указал и причину не востребованности подобной личности в ее окружении: социальная жизнь Типтона не имела места для такой женщины, ей негде было применить свои таланты, «она не знала, что делать со своими чаяниями и стремлением к благотворительности» [12, р. 29]. Природу неудовлетворенности Доротеи попытался раскрыть Ф. Р. Ливис, указав, что в создании этого образа большую роль сыграло желание писательницы воплотить в нем «свои собственные чаяния»: «Доротея... является продуктом “духовной жажды” самой Джордж Элиот – ее идеализированным представлением о себе, рожденным в грезах наяву» [13, р. 75]. В главе, посвященной Дж. Элиот, в работе «Введение в историю английского романа» А. Кеттл подвергает пристальному рассмотрению именно «Миддлмарч», считая это произведение наиболее «ключевым» из романов писательницы. Развивая тему близости главной героини к несбыточной мечте, ее идеализированности, А. Кеттл дает свое объяснение ее качествам: «Доротея выражает собой тот элемент человеческого опыта, которому не отведено места в детерминистской картине мироздания, рисуемой механистическим материализмом, в ее образе олицетворена необходимость для человека преобразовывать унаследованный им мир. В Доротее воплощена позитивная сила романа, потому что героиня олицетворяет эту важнейшую движущую силу в самой человеческой жизни» [3, с. 218].

По справедливому замечанию К. Хьюитт, ««Миддлмарч» – это история мужчин и женщин, пытающихся жить в соответствии со своими мечтами и верованиями в обществе, имеющем определенные ценности и предубеждения, основанном на истории, экономике, добрых побуждениях и страхе» [4, с. 255]. Уже из вступления к роману читатель узнает, что это произведение будет посвящено «современным святым Терезам», причем автор дает понять, что беда подобных молодых женщин заключается в том, что они «не находили опоры в устремлениях и надеждах всего общества, которые для пылкой души, жаждущей применения своим силам, заменяют знание. Их пыл искал выхода в служении какому-то неясному идеалу или отдавал их во власть чисто женских порывов, но первое объявлялось эксцентричностью, а второе беспощадно осуждалось как нарушение морали» [9, с. 22].

Знакомство читателя с Доротеей Брук и упоминание Пресвятой Девы уже во второй фразе первой главы определяют один из основных мотивов романа – мотив святой Терезы. Стремления Доротеи созвучны стремлениям многих ее современниц, не находивших достойного применения своим способностям и дарованиям. Умная и впечатлительная девушка, принадлежащая по своему происхождению к классу землевладельцев, который в начале XIX в. был правящим классом страны, ощущает неудовлетворенность пустой светской жизнью, которую ведут женщины ее круга. Доротея стремится к чему-то большему, нежели косное себялюбие ее знакомых, обращается к религиозному пуританизму и возвышенной благотворительности в поисках применения собственных нерастратченных душевных сил.

Кроме того, важнейшими сугубо женскими проблемами викторианской эпохи в этом романе становятся проблемы подчинения и сопротивления представителям сильного пола и проблема невозможности заниматься какой-либо полезной деятельностью (помимо ведения дома). Как справедливо замечает Э. Шоуолтер, проблема подчинения и сопротивления, которую приходилось решать писательницам в их собственной жизни, в их произведениях выходила на поверхность в виде нравственного кризиса героинь. «Формы, которые этот кризис принимает в их работах, имеют вполне реальные земные очертания. <...> При том, что писательницы осознавали всю скромность усилий своих героинь по его преодолению, они вместе с тем признавали их смелость» [16, р. 75-76]. Наиболее показательным примером в этом отношении, вне всякого сомнения, может служить отрывок из финальной главы романа «Миддлмарч»: «Тереза нашего времени едва ли сумела бы осуществить преобразование монашеского ордена, точно так же как новая Антигона не имела бы возможности свершить свой подвиг и пожертвовать жизнью, дабы предать земле тело убитого брата, – отныне уже нельзя излить душевный пыл героическими подвигами такого рода. Но мы, люди незначительные, своими повседневными речами и поступками формируем жизни многих Доротей, и судьба той Доротеи, чью историю мы рассказали, еще не самая прискорбная из всех» [9, с. 879].

Своеобразным фоном для реализации женской темы и наиболее полной и органичной обрисовки образа Доротеи Брук служит изображение английского провинциального общества Миддлмарча, живущего согласно традиционному укладу и полностью разделяющего моральные и социальные установки и стереотипы викторианства. Одновременно с этим автор выступает как знаток не только национальной, но и европейской культуры (вполне убедительным подтверждением чему служат, например, эпиграфы к главам, повествующим об учебе Лидгейта в Париже и о несчастливом медовом месяце Доротеи в Риме, взятые из произведений Сервантеса, Данте, Гете и т.д.). Элиот «оттеняет» английский провинциализм со всеми его ханжескими установками и педантизмом с помощью образов интеллектуальных и образованных героев – Лидгейта и Ладислава. И, хотя «иностранные идеи» Ладислава встречают сопротивление в полном предрассудков и условностей Миддлмарче, его интеллектуальные стремления находят поддержку и одобрение у образованной элиты, например, у Ладислава. Наполовину поляк, он также интеллектуален, открыт; получивший образование в Германии Ладислав сведущ во многих областях знания (в отличие от «ученого джентльмена» и ханжи Кейсобона, чья ограниченность интеллекта обусловлена его невежеством в немецком языке и «оторванностью» от европейской науки). Кроме двух вышеупомянутых молодых людей, есть и другие, кто не скован границами провинциальной Англии и открыт широкому миру прогрессивных идей.

Нетрудно заметить, что европейская интеллектуальная и культурная жизнь, противопоставленная в романе английскому провинциализму, нередко ассоциируется и с разрушающей страстью. Наиболее наглядным примером этому служит слепое и рискованное увлечение Лидгейта актрисой Лаурой в Париже. Объективности ради отметим, что Лидгейт, будучи физиологом и исследователем различных патологий, способен на едва ли поддающиеся объяснению действия, свидетельство чему – его отношение к Розамонде Винси, продиктованное эмоциями и не поддающееся разумному толкованию. Подобное отождествление, иногда завуалированное или же выраженное символически, континентальной Европы с опасностью, имеющей сексуальный подтекст, нередко встречается в викторианских романах (достаточно вспомнить произведения Диккенса, Треллопа и т.д.). Так, Доротею в Риме пугает откровенный эротизм «вечного города». Будучи замужем за сухим педантом, она с недоумением наблюдает, что в Риме буквально кипит «жадная титаническая жизнь, глядящая и рвущаяся со стен и потолков»; «образы, неясные и в то же время исполненные жаркой силы, властно вторглись в ее юное восприятие и оставались живыми в ее памяти» [Там же, с. 223]. Чувственная насыщенность и разнообразие языческого и католического Рима, где находятся «развалины и базилики, дворцы и каменные колоссы, свергнутые в убогость настоящего», буквально ошеломляют молодую женщину, «которая воспитана в духе английского и швейцарского пуританства, с историей знакома только в ее художественно-протестантском истолковании, а в искусстве не пошла дальше расписывания вееров» [12, р. 222]. Представленный отрывок из романа достаточно убедительно иллюстрирует, что, помимо интереса к истории, медицине, мифологии и учению Дарвина, в своих характерах Дж. Элиот отмечает непостижимость для протестантского

сознания античного и католического искусства. Так, к примеру, Доротея смущена и озадачена воздействием на нее Рима, не вмещающегося в узкий круг ее собственных воззрений. Очевидно, что автор для создания наиболее адекватного образа главной героини предпринимает попытку исследования воздействия чужих культур на восприимчивых людей, во-вторых, по небезосновательному мнению К. Хьюитт, это замечательный пример ее метафорической прозы: «Доротея не имеет силы противиться грандиозным, хотя и разрозненным, “откровениям имперского и папистского города”. <...> образы, порождаемые тем или иным настроением, обладают своего рода автономностью, подобно картинам, проецируемым волшебным фонарем; и, наконец, – еще одно поразительное сравнение – красный занавес в соборе святого Петра обволакивает всю возникшую в изображении картину, как будто наблюдатель поражен глазным недугом» [4, с. 252-253].

Именно последний образ, на наш взгляд, свидетельствует о чрезвычайно много увиденном и осмысленном героиней. Мы полагаем, что, помимо всего прочего, Доротея представляет собой схематичный образ человека с английским менталитетом, которому неуютно в чуждой иностранной среде. Как отмечает А. Кеттл, столкновение различных культур – католической и протестантской – описывается сначала совершенно отвлеченно, а затем уже мало-помалу используется автором для освещения душевного состояния героини. Мы словно бы совсем невзначай соприкасаемся с духовным миром Доротеи, узнаем, что она в действительности чувствует [3, с. 203]. Именно изображение напряженных, страстных чувств, переживаемых героиней, способствует полновесному осмыслению ее образа, причем именно внутренняя жизнь, переживания становятся определяющими в ее поведенческой модели.

Общеизвестно, что викторианский роман был максимально выразительной формой для изображения доминирующих социокультурных и политических проблем, а также для изучения человека и различий между людьми [3; 8], однако именно «Миддлмарч» наделил викторианский роман одним из важнейших открытий: это касается признания Доротеей различий, имеющихся в натуре Кейсобона. Так, миссис Кэдуолледер считает, что Кейсобон – «великий бычий пузырь, чтобы греметь сухим горохом» [9, с. 79]; в то же время он имеет некоторые субъективные черты – «у него также есть свой внутренний центр, где свет и тени обязательно ложатся по-иному, чем у нее (Доротеи. – *Н. Ш.*)» [Там же, с. 241]. На протяжении XIX в. различие черт в натуре одного человека и между людьми в целом стало предметом особого изучения, которое приобрело массовый характер, причем многогранность разума и памяти подвергались исследованию со стороны не только ученых, но и писателей. Так, в 1846 г. Г. Спенсер, социолог, единомышленник Дж. Элиот, опубликовал «Сравнительную психологию человека». Увидели свет новые научные издания, например, «Журнал психологической медицины и умственной патологии» и «Разум». Стала признаваться уникальность каждого индивидуума, и, придерживаясь данной позиции, авторы романов искали принципиально новые темы и пути их реализации. Именно в «Миддлмарче» автор предпринимает попытку проиллюстрировать собственное понимание теории Спенсера на своих героях, в особенности – Доротею, в первую очередь для того, чтобы осмыслить положение незаурядной и тонко чувствующей женщины, обладающей богатым духовным миром, в социуме и во взаимоотношениях с противоположным полом. Кроме того, образ Доротеи Брук оттеняют и другие женские персонажи. Напомним, что викторианские романисты довольно противоречиво изображали «ангела в доме»: с одной стороны, такая женщина рисуется воплощенной добродетелью, с другой стороны, во многих произведениях викторианцев имеются альтернативные модели, которые подрывают сложившийся в XIX в. идеал. Например, в финальной главе «Миддлмарча» имеется весьма примечательное в данном контексте описание очередного нелিপеприятного разговора между доктором Лидгейтом и его женой Розамондой: «Как-то он назвал ее своим базиликом, а когда она спросила, как объяснить эти слова, он ответил, что базилик – это растение, питательной почвой для которого служит мозг убитых людей» [Там же, с. 870]. Так, слово «базилик» (в значении «паразитирующее растение») и понятие «ангел в доме» становятся абсолютно противоположными. Стремления Розамонды несовместимы с выполнением жизненной задачи Лидгейта, поскольку все ее желания сосредоточены на мещанском стяжательстве – приобретении обстановки, вещей, достижении «положения в обществе», богатства. Таким образом, Дж. Элиот одновременно и создает, и разрушает образ идеальной женщины – супруги и хозяйки дома.

Проблема женского самосознания, раскрываемая в романе с помощью образа Доротеи, непосредственно связана с искусством прерафаэлитов: Дж. Элиот делает чувствительность, свойственную прерафаэлитизму, составным элементом духовного становления главной героини. Заметим, что в литературоведческой науке сложилось мнение о том, что существенным ключом к основательному пониманию романа «Миддлмарч» является знание изобразительного искусства. Причем это понимание можно значительно углубить, если принять во внимание ту существенную роль, которую сыграло отношение Дж. Элиот к прерафаэлитам [1; 14; 15, р. 33-34]. Достаточно упомянуть ее реакцию на одно из их творений – картину «Пробуждающаяся совесть» Уильяма Холмана Ханта (*William Holman Hunt "Awakening Conscience"* (1853-1854)): джентльмен рассеянно перебирает пальцами клавиши пианино и пустым взглядом смотрит на свою любовницу. Как отметил Джон Рескин в одном из своих писем, «бедная девушка сидела на коленях своего обольстителя, и какие-то случайные слова песни “Часто тихой ночью” больно задели тайные уголки ее сердца» [Цит. по: 19, р. 33-34]; ее совесть пробудилась, и она спасена. В то время как слова обольстителя задели чувствительные струнки души падшей женщины, ее духовное спасение передано посредством изображения солнечного света, льющегося сквозь отражающиеся в зеркале открытые двери. Показательно, что роль эстетики прерафаэлитов в «Миддлмарче» связана не только с идеями, проповедуемыми Уиллом Ладиславом и его учителем в «римской» части романа (главы 19-22), когда формулируется отношение к зрительному восприятию, воспринимаемому как симбиоз ощущения, воображения и чувства, не только героя, но и автора: «Истинное видение – внутри» (“The true

seeing is within”). Подтверждением этому служат многочисленные примеры, пронизывающие текст романа. Представляется уместным упомянуть один из них. Название полотна Ханта «Пробуждающаяся совесть» соотнесено с падшей женщиной. В романе Дж. Элиот «Миддлмарч» единственная женщина, находящаяся в подобной опасности, – Розамонда Лидгейт, однако ей не свойственно чувство раскаяния, в то время как Доротея, лишь подсознательно ощущающая развращенность Розамонды, буквально потрясена. Именно Доротея испытывает чувство стыда за ее поведение; звуки музыки, которые она слышит сквозь открытое окно в доме Лидгейта, позволяют дать объективную оценку ситуации, сложившейся в ее собственной жизни: ситуация, компрометирующая миссис Лидгейт, является «зеркальным» аналогом жизненной ситуации самой миссис Кейсобон. Более того, момент прозрения передан не посредством живописного изображения, а при помощи музыки. Имеющееся у Дж. Рескина толкование иконографии «Пробуждающейся совести», которую символизирует струящийся солнечный свет, наблюдаемый девушкой, констатирует, что ее спасение происходит благодаря словам песни. По-видимому, «случайные слова» “Lungi dai caro bene” затронули и чувствительные струны души Доротеи. К тому моменту, когда наступает окончательное прозрение главной героини, словосочетание «пробудившееся сознание» достигает в произведении максимального резонанса. Так, наряду с темой святой Терезы, в романе присутствует тема «пробуждающегося сознания» Доротеи, которая получила новое воплощение благодаря полотну Холмана Ханта «Пробуждающаяся совесть».

Как справедливо отмечала В. Вулф, «героини Джордж Элиот не могут жить без определенной религии, и они начинают искать ее еще в детстве» [2, с. 822]. Действительно, Доротея Брук (равно, кстати, как и Мэгги Талливер в «Мельнице на Флоссе») видит свою цель в более значительном служении обществу, нежели обычное, традиционное женское предназначение. Однако Доротея, подобно другим героиням Дж. Элиот, не находит того, что ищет, и это неудивительно: «...сознание женщины, наполненное страданием и чувственностью и так долго молчавшее, в героинях Элиот, кажется, льется через край. Оно выходит за пределы и начинает требовать того, что, вероятно, несовместимо с действительностью человеческого существования» [Там же, с. 830]. Это противоречие заканчивается практически для всех героинь либо трагедией, либо компромиссом, который, по мнению В. Вулф, еще более печален. Но их истории – это неполная версия жизни самой Джордж Элиот, полагает писательница. «Для нее, так же как и для них, традиционное предназначение женщины было недостаточным: она желала обладать яркими плодами искусства и познания. Завладев ими, как это сделали немногие женщины, Джордж Элиот осталась верна своему полу» [Там же, с. 832].

Таким образом, на протяжении длительного времени не только искусство Дж. Элиот, но и ее индивидуальность привлекают пристальное внимание литературоведов феминистской ориентации. Однако это связано не только с незаурядной личностью писательницы, использовавшей и творческое, и социальное пространство для самоутверждения, но в первую очередь с тем, что в ее романах осмысливается и демонстрируется то предвзятое отношение, которое женщина испытывала в условиях викторианской Англии со стороны общества.

Список источников

1. Агапова И. А. Прерафаэлиты и эстетическая программа Д. Рескина // Социальные и гуманитарные исследования: традиции и реальность: межвуз. сборник науч. трудов. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. С. 354-355.
2. Вулф В. Миссис Дэллоуэй. На маяк. Орландо. Волны. Флаш. Рассказы. Эссе: сборник / пер. с англ. М.: АСТ; НФ «Пушкинская библиотека», 2004. 902 с.
3. Кеттл А. Введение в историю английского романа. М.: Прогресс, 1966. 446 с.
4. Хьюитт К. Джордж Элиот и ее роман «Миддлмарч» // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 236-260.
5. Шамина Н. В. Женская проблематика в викторианском романе 1840-1870-х годов (Джейн Остен, Шарлотта и Эмили Бронте, Джордж Элиот): дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2005. 235 с.
6. Шамина Н. В. Женская тема в литературном процессе викторианской Англии // Новые направления и концепции в современной науке: сборник науч. трудов по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. (г. Смоленск, 31 октября 2016 г.): в 2-х ч. Смоленск: Новаленсо, 2016. Ч. 2. С. 72-74.
7. Шамина Н. В. Интерпретации образа Доротеи Брук в англоязычном литературоведении // Филологические исследования – 2002: межвуз. сборник науч. трудов / Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева; филолог. факультет. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2003. С. 50-54.
8. Шамина Н. В. Современное звучание английского романа XIX века: причины «викторианского возрождения» // Социальные и гуманитарные исследования: традиции и реальность: межвуз. сборник науч. трудов. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. С. 348-351.
9. Элиот Дж. Миддлмарч (Картины провинциальной жизни). М.: Художественная литература, 1981. 895 с.
10. Altick R. D. Victorian People and Ideas. N. Y. – L.: W. W. Norton and Company, 1973. 338 p.
11. Bennet J. George Eliot. Her Mind and Her Art. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 226 p.
12. Cooke G. W. George Eliot: a Critical Study of Her Life, Writings and Philosophy. Boston: James R. Osgood and Company, 1883. 438 p.
13. Leavis F. R. The Great Tradition. L.: Chatto & Windus, 1948. 303 p.
14. Leng A. Dorothea Brooke's 'Awakening Consciousness' and Pre-Raphaelite Aesthetics in "Middlemarch" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/eliot/middlemarch/leng2.html> (дата обращения: 21.01.2018).
15. Ruskin J. The Works of John Ruskin: in 39 vols. / ed. by E. T. Cook and A. Wedderburn. L., 1904. Vol. 12. 603 p.
16. Showalter E. The Female Malady: Women, Madness and English Culture, 1830-1980. L.: Virago, 1987. 308 p.
17. The Saturday Review of Politics, Literature, Science and Art. 1872. Vol. 34. December 7.
18. The Stories of Two Worlds: Middlemarch and Fleurance // Catholic World. 1873. Vol. 17. September. P. 775-792.
19. The Victorian Novel / ed. by F. O'Gorman. Oxford: Blackwell Publishing, 2002. 368 p.
20. Thompson N. D. Reviewing Sex: Gender and the Reception of Victorian Novels. Basingstoke: Macmillan, 1996. 164 p.

INTERPRETATIONS OF DOROTHEA BROOKE'S IMAGE AND THE PROBLEM OF WOMEN'S SELF-CONSCIOUSNESS IN GEORGE ELIOT'S NOVEL "MIDDLEMARCH"

Shamina Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
topcap@mail.ru

The article examines the specificity of artistic interpretation of women's issues in the novel "Middlemarch". In fact, George Eliot's works contribute – directly or indirectly – to reevaluation of values in favour of the woman's private sphere and to changing the woman's role and functions in the society. The author concludes that women's theme in Eliot's novel acquires new features in comparison with her predecessors' works. The paper justifies the thesis that women's problems (social, spiritual) are transferred into the ethical domain and are reduced to the conception of struggle of egoism and altruism, social and marital duty and personal happiness.

Key words and phrases: George Eliot; "Middlemarch"; Victorian novel; women's issues; Pre-Raphaelites' esthetics; women's self-consciousness.

УДК 821.51:82-1/-9

Дата поступления рукописи: 16.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.7>

Статья посвящена жанру эссе в современной татарской прозе. Целью работы является изучение этого феномена, особенностей его содержания и формы на материале творчества татарского писателя М. Галиева. Автор утверждает, что в исследуемом тексте основное место занимают воспоминания о советской эпохе, которые подчинены демифологизирующей функции, а также остро поставлена национальная проблематика. Результаты анализа произведения свидетельствуют о том, что творчество М. Галиева показывает парадигму эволюции жанра, возможности совмещения эпического и лирического начал в рамках жанра эссе в современной национальной прозе.

Ключевые слова и фразы: эссе; национальная проза; современная татарская литература; М. Галиев; синкретизм; лиризм в прозе.

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Land_yz@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЭССЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА М. ГАЛИЕВА

Размышления о национальном варианте жанра эссе в современной татарской прозе на примере творчества М. Галиева были изложены нами в статье «Жанр эссе в творчестве М. Галиева» [9]. В работе упоминался ряд трудов и имен известных ученых, исследовавших природу рассматриваемого явления (М. Н. Эпштейн, В. Е. Хализев и др.), говорилось о синкретизме жанра, его неоднородной структуре и особой роли автора. Также нами подчеркивался тот факт, что «татарская литература издревле знала еще одну разновидность эссе, которая в восточных литературах называлась “сэжеглы шигырь”, в татарской – “нэсер»» [Там же]. И в татарской литературе, по сравнению с другими литературами, жанр по форме изложения более близок к лирическому, чем к эпическому тексту.

В продолжение данной темы нам кажется интересным мнение А. Л. Дмитриевского, который определил главную особенность жанра «естественностью»: «...поскольку суть жанра – в попытке высказаться, “выговорить” созревшие на душе мысли, постольку основополагающим свойством рассматриваемой нами формы выражения стала “естественность” – непосредственная запись внутренних духовных движений, без жесткой литературной обработки» [3, с. 46]. Как это качество совмещается с лиричностью? Мы искали ответ на этот вопрос.

М. Галиев (1946) – писатель, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Основным мотивом его прозы и поэзии является нравственная чистота и сострадание [6, б. 160]. Д. Загидуллина отмечает, что «первые повести М. Галиева “Ак абагалар” (“Белые папоротники”, 1973-74), “Алтын тотка” (“Золотая рукоятка”, 1988) вновь вернули в татарскую прозу традиции классического романтизма (неоромантизм)» [4, с. 83], а его повесть «Ерак урман авазы» («Эхо далекого леса», 1981) «свидетельствует о повороте стиля М. Галиева в сторону постромантизма» [Там же].

Автобиографическое эссе М. Галиева «Тимэ, яшэсен» («Не трогай, пусть живет») посвящено воспоминаниям детства и юности, которые переплетаются с философскими рассуждениями о жизни, тоталитарной советской действительности, национальных проблемах. Автор напрямую излагает свои мысли, чувства, ведет с читателем диалог, открыто представляет свое видение окружающего мира и обсуждаемых проблем. В результате реальный автор, повествователь и главный герой объединяются в единое целое. Но каждое событие повествуется лирическим языком, в тексте чувствуется музыка из-за рифмованности и присутствия внутреннего ритма, и эта особенность становится средством углубления возможностей эмоционального воздействия.